

ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МУЖЧИН, ВОСПИТЫВАВШИХСЯ В НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ

Эксакусто Т.В.¹, Вакуленко Е.Н.¹

¹ ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Таганрог, Россия (347922, Таганрог, ул.Чехова, 2), e-mail: etv01@yandex.ru

Проведено исследование когнитивного, аффективного, конативного компонентов гендерных представлений мужчин, которые воспитывались в неполных семьях. Критерием выделения групп респондентов стала благоприятность/неблагоприятность представлений о родительской семье мужчин, которые в возрасте до 8 лет лишились отца в результате развода родителей. В качестве «эталонной» изучалась группа мужчин, воспитывавшихся в полной семье и имеющих благоприятное представление о ней. Показано, что гендерный образ респондентов из полных семей характеризуется выраженной маскулинностью, а мужчины, воспитывавшиеся в неполной семье с неблагоприятным представлением о ней, связывают свой образ с большим количеством фемининных черт. Было выявлено, что мужчины из полных и неполных семей с благоприятным представлением о них, имеют традиционные представления о распределении ролей в семье и делят сферы семейной жизни преимущественно на мужские и женские. Мужчины, воспитывавшиеся в неполной семье и с неблагоприятным представлением о ней, имеют эгалитарные представления и готовы разделить ответственность за все сферы семейной жизни между собой и женой. Выявлено, что у данной группы респондентов эмоционально-оценочное отношение к своей собственной семье и к себе как мужчине характеризуется выраженной негативной направленностью.

Ключевые слова: гендерные представления, родительская семья, неполные семьи, отношение к семье, маскулинность, гендерный образ.

GENDER PERCEPTIONS OF MEN, BROUGHT UP IN A SINGLE-PARENT FAMILY

Eksakusto T. V.¹, Vakulenko E.N.¹

Federal State-Owned Educational Autonomy Establishment of Higher Education «Southern Federal University», Taganrog, Russia (347922, Taganrog; 2, Chehova Str.), e-mail: etv01@yandex.ru

Such components of gender perceptions of men, brought up in single-parent families, as cognitive, affective, conative ones were studied during the research. Those men, whose parents divorced, when they were children up to 8 years old, and who were under care of their mothers are the subject of the research and their positive/negative perceptions of parental family are chosen as the main criteria for respondents grouping. A group of men, brought up in two-parent families and having positive perceptions of parental family was chosen as a “standardization group”. Gender image of those respondents, who grew up in two-parent families is characterized by masculine traits, while gender image of men, brought up in single-parent families and having negative perceptions of parental family, is characterized by the presence of feminine personality traits. Men, brought up in single-parent and in two-parent families, having positive perceptions, have traditional understanding of family roles distribution and define male and female spheres of family life. Men, brought up in single-parent families, having negative perceptions, have egalitarian understanding of family roles and they are ready to share all the responsibilities fifty-fifty with their wives. These respondents' emotional and evaluative attitude towards their family and towards themselves as men is characterized by negativeness.

Keywords: gender perceptions, parental family, single-parent families, attitude to family, masculinity, gender image.

Современное общество претерпело за последние десятилетия существенные изменения во всех сферах жизни: политической, экономической, социальной. Однако самые серьезные и негативные изменения зафиксированы в сфере семейных отношений. Институт семьи претерпевает серьезные деформации, свидетельством чему выступает количество разводов, число которых в России только за первый квартал 2014 года составило около 80%. Социологические и психологические исследования показывают, что в 60-80% случаев

инициатором развода выступает жена. Такая ситуация обусловлена зачастую тем, что доля ответственности женщины за семью увеличивается, тогда как мужчина все меньше участвует в семейном регулировании. При этом общеизвестным является факт, что мужчине принадлежит огромная роль в развитии у детей специфических гендерных качеств (А. Адлер, 1998; Б. И. Кочубей, 1990; Т. А. Репина, 1987; Г. Т. Хоментаскас, 1989; Дж. Шаллер, 1998). Ряд исследований, посвященных влиянию отсутствия отца показывает, что такая ситуация сильнее сказывается на гендерной социализации мальчика, чем девочки; черты, свойственные мужской роли, возникают у мальчиков медленнее, им труднее удается усвоение половых ролей, так как они не имеют полоспецифической модели поведения [3,4]. По мнению В. Сатир, «мальчики в неполной семье сталкиваются с серьезнейшей проблемой: заласканные матерью или убедившиеся в том, что в обществе главенствуют женщины, они начинают чувствовать, что мужчины ничтожество» [6; с.130]. В целом, можно говорить о том, что построение образа мужчины, у мальчиков (при отсутствии отца) особенно в ранние годы происходит через призму материнского видения. Образ женщины у этих детей также может быть наполнен особенным содержанием, так как мать-одиночка вынуждена брать на себя часть тех функций, которые в традиционной семье обычно являются прерогативой мужчины [4,5,6]. В современных исследованиях, посвященных формированию гендерной идентичности и полоролевых представлений, проблемам семейной социализации уделяется большое внимание, однако такой вопрос, как содержательная сторона гендерных представлений у мужчин, воспитывавшихся в неполной семье, изучен недостаточно, что и определило актуальность настоящего исследования.

Теоретический обзор исследований, посвященных вопросам влияния семьи на формирование личности ребенка, его социальных установок и представлений показал, что семья – важнейший из феноменов, сопровождающий человека в течение всей его жизни. Семья изучается исходя из различных оснований, зачастую ее рассматривают как совокупность устойчивых социальных норм, санкций и образцов поведения, которые регулируют и регламентируют отношения между супругами, родителями и детьми, другими родственниками. Выделяют множество видов семей по разным основаниям, одним из таких видов, является разделение семей исходя из их функционального соответствия социальным условиям. Соответственно выделяют нормально функционирующие (гармоничные) и дисфункциональные семьи. По количественному составу родителей семьи можно разделить на полные и неполные. Именно неполные семьи зачастую относятся к группе дисфункциональных семей: процесс воспитания в неполной семье чаще деформирован, дети испытывают дискомфорт из-за своего социального статуса. Неполные семьи могут быть различными по родительскому составу, однако чаще встречаются семьи, где отсутствует

отец, и ребенка воспитывает одна мать. Отсутствие отца отрицательно сказывается на ребенке, его учебе, самоуважении. Особенно такому негативному влиянию подвержены мальчики. По данным ряда исследований [1,5], им труднее дается усвоение мужских ролей и соответствующего стиля поведения, что ведет к агрессивности и жестокости, сказывается на развитии личности, мужского самосознания мальчиков, их гендерных представлениях. Гендерные представления понимаются как обусловленные социальным контекстом понятия, взгляды, утверждения и объяснения относительно распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в обществе. В структуре представлений традиционно выделяют три компонента: когнитивный, аффективный и конативный (Т.П. Зинченко, Э.А. Пирмагомедова). Развитие представлений о гендерных ролях у детей, воспитывающихся без адекватного влияния отца, является особой проблемой. Отсутствие возможности наблюдать и усваивать модели поведения родителей и прежде всего отца приводит к искажению гендерных представлений. Соответственно, можно предположить, что гендерные представления: гендерный образ, эмоционально-оценочное отношение к себе как представителю гендерной группы, выполнение специфических гендерных ролей будет существенно отличаться у людей, воспитывавшихся в разных семьях: полных/неполных, гармоничных/дисфункциональных.

Для эмпирического изучения обозначенной проблемы были выявлены мужчины, воспитывавшиеся в полных и неполных семьях, с разным представлением о них (благоприятным и неблагоприятным), изучены их биографические особенности (исследование проводилось Е.Н. Вакуленко под руководством Т.В. Эксакусто в 2014 г.). В исследовании приняли участие 84 мужчины в возрасте 25-28 лет (мужчины, выросшие в неполных семьях, лишились отца, в возрасте до 8 лет, что специально контролировалось в исследовании). Респонденты были разделены на 3 группы. В первую группу вошли мужчины, воспитывавшиеся в полных семьях, имеющие благоприятное представление о родительской семье и доверительные отношения с обоими родителями; имеющие опыт самостоятельных семейных отношений, длящихся больше года. Данная группа изучалась как «эталонная». Во вторую группу вошли мужчины, воспитывавшиеся в неполных семьях, но имеющие благоприятное представление о родительской семье, воспитывавшиеся матерью и имеющие с ней доверительные отношения. В детстве они регулярно виделись с отцом и рассматривали его, как пример достойный подражания. В третью группу вошли мужчины из неполных семей, имеющие неблагоприятное представление о родительской семье, которые воспитывались только матерью и имели с ней достаточно эмоционально удаленные отношения. С отцом респонденты данной группы виделись нерегулярно и отношения имели с ним неблагоприятные. В исследовании не рассматривались мужчины из полных семей, но с

неблагоприятным представлением о ней, т.к. такая ситуация требует специального изучения. Нужно подчеркнуть, что все мужчины, принимавшие участие в исследовании, имели опыт самостоятельных семейных отношений. Данная переменная специально контролировалась в исследовании, тем самым снижалась вероятность получения гендерных стереотипов, которые формируются в результате недостатка/отсутствия социального опыта, и увеличивалась возможность изучения персональных гендерных представлений, сформированных на основе собственного опыта.

Сравнительный анализ (на основании результатов методики ВІV – биографический опросник) показал, что респонденты 1 группы (мужчины, воспитывавшиеся в полных семьях, с благоприятным представлением о родительской семье) имели доверительные отношения с обоими родителями. Эти мужчины уважают своих родителей и гордятся ими. Респонденты обладают высокой способностью к установлению и поддержанию контактов, могут расположить к себе других людей. Респонденты 2 группы (мужчины, воспитывавшиеся в неполных семьях, с благоприятным представлением о родительской семье) считают свои отношения с родителями хорошими, уважают и гордятся родителями. Респонденты считают себя открытыми людьми, но испытывают некоторую робость при раскрытии себя другим. Респонденты 3 группы (мужчины, воспитывавшиеся в неполных семьях, с неблагоприятным представлением о родительской семье) отмечали, что порой не могут чувствовать уважения к родителям, т.к. они (и прежде всего мать) часто их наказывали, порой по пустякам, и даже били. Участникам данной группы нелегко вступать в контакт с окружающими, они скрытны и редко делятся своими проблемами.

Эти данные подтверждаются достоверно значимыми различиями, выявленными при анализе семейной ситуации и воспитательного воздействия родительской семьи. Так, респонденты, воспитывавшиеся в неполной семье, но с благоприятным представлением о ней, описывают семейную ситуацию в детстве и юности, свое взаимодействие с родителями достаточно позитивно, также как и респонденты, воспитывавшиеся в полных семьях ($U_{\text{эмп}}=227, U_{\text{кр}}=170, p>0,05$) при отсутствии достоверно значимых различий. Не обнаружено значимых различий и в описании участниками данных групп воспитательного поведения родителей ($U_{\text{эмп}}=197, U_{\text{кр}}=170, p>0,05$). Другими словами, респонденты обеих групп считают, что их родительская семья позитивно влияла на них в детстве и юности. Они с уважением относятся к родителям, которые воспринимаются веселыми и жизнерадостными; воспитание было гармоничным, в нем принимали участие оба родителя, которые находили время для игр, разговоров и совместного времяпрепровождения. Таким образом, в жизни респондентов присутствовал образец и женской модели поведения, и мужской, который был воспринят ими как позитивный. В отличие от них мужчины, воспитывавшиеся в неполной

семье, с неблагоприятным представлением о ней, характеризуются достоверно неудовлетворительными отношениями с родителями, отмечают их недостаточное влияние в детстве и юности. Отношения в их родительской семье нельзя назвать гармоничными: по представлениям респондентов их родители часто ссорились друг с другом, предъявляли к детям завышенные требования, порой были непоследовательны в своих решениях. Обнаружены статистически значимые различия между семейной ситуацией ($U_{\text{эмп.}}=21$, $U_{\text{кр.}}=192$, $p<0,01$) и воспитательным поведением родителей ($U_{\text{эмп.}}=111,5$, $U_{\text{кр.}}=200$, $p<0,01$) респондентов 1 и 3 групп. Также были обнаружены статистически значимые различия в описании семейной ситуации ($U_{\text{эмп.}}=27$, $U_{\text{кр.}}=214$, $p<0,01$) и воспитательного поведения родителей ($U_{\text{эмп.}}=169$, $U_{\text{кр.}}=200$, $p<0,01$) респондентов 2 и 3 групп. Нужно отметить, что, несмотря на отсутствие полной семьи, у респондентов 2 группы, по их мнению, отец находил время и возможность для взаимодействия с сыном, для игр и разговоров с ним. Тогда как в 3 группе (по мнению участников исследования) отец редко и нерегулярно уделял сыну время, был часто занят, вспыльчив (отец воспринимается как жесткий и эмоционально удаленный), порой требовал выполнения заданий, не соответствующих возрасту ребенка.

Сравнительный анализ гендерного образа (когнитивный компонент гендерных представлений) показал, что респонденты 1 группы обладают ярко выраженной маскулинностью, видят в себе такие качества как самостоятельность, уверенность, доминантность, самодостаточность, а мужчины 3 группы выделяют у себя большое количество фемининных черт, таких как забота о людях, мягкость, любовь к детям, спокойствие ($U_{\text{эмп.}}=118$, $U_{\text{кр.}}=192$, $p<0,01$). Объяснить это можно тем, что у участников 1 группы с детства перед глазами был образец мужской модели поведения, принимаемый ими, с которого хотелось брать пример; тогда как у респондентов 3 группы не было примера мужской модели поведения, они воспитывались только матерью и, вероятно, брали её модель поведения за образец. Респонденты же 2 группы выделили у себя как маскулинные, так и фемининные черты в равных соотношениях. При этом их маскулинность достоверно выше, чем у респондентов 3 группы ($U_{\text{эмп.}}=111$, $U_{\text{кр.}}=223$, $p<0,01$). Они так же, как и респонденты 3 группы, воспитывались матерью, но поскольку в их жизни присутствовала модель мужского поведения, так как они регулярно встречались с отцом, который имел на них влияние и пользовался уважением, их маскулинность оказалась выше. При этом были обнаружены достоверно значимые различия между гендерными образами респондентов 1 и 2 групп в выраженности маскулинных качеств ($U_{\text{эмп.}}=151$, $U_{\text{кр.}}=141$, $p<0,05$), что позволяет говорить о большой значимости роли отца и его постоянного присутствия для формирования гендерного образа мужчины.

Сравнительный анализ (на основании результатов методики ЦТО) эмоциональной оценки опыта самостоятельных семейных отношений и самого себя как мужчины (аффективный компонент гендерных представлений) показал следующее. Мужчины 1 группы достоверно более благоприятно оценивают себя ($K=9$), принимают свои мужские качества, чем мужчины, воспитывавшиеся в неполных семьях с благоприятным представлением о них (2 группа) ($U_{эмп}=0$, $U_{кр.}=170$, $p<0,01$). Выбор предпочитаемых цветов (зеленый, красный) в ассоциативном цветовом ряду у 63% респондентов 1 группы позволяет сделать вывод о том, что высокая позитивная оценка себя как мужчины связывается с такими характеристиками как ловкость, сообразительность, оригинальность, восприимчивость, критичность, справедливость. При этом мужчины 2 группы характеризуются амбивалентным отношением к себе как мужчине ($K=18$). Выбор цветов (синий, красный) в ассоциативном цветовом ряду у 72% респондентов 2 группы говорит о том, что в отношении к себе как к мужчине для них большое значение приобретают такие качества как организованность, непреклонность, сила духа, фанатизм, лидерство, упорство, борьба за свои права, превосходство. В отличие от мужчин, воспитывавшихся в полных и неполных семьях (с благоприятным отношением к ней), мужчины 3 группы относятся к себе достоверно более негативно по сравнению с респондентами 1 ($U_{эмп}=0$, $U_{кр.}=192$, $p<0,01$) и 2 групп ($U_{эмп}=0$, $U_{кр.}=223$, $p<0,01$). Соответственно, у респондентов данной группы отношение к себе, как к мужчине, неблагоприятное ($K = 26$). Более 70% мужчин соотносят свой гендерный образ (преобладающий выбор по ассоциации зеленый, серый) с такими качествами как разговорчивость, безответственность, энергичность, напряженность, эгоистичность, неискренность, меланхолия. Можно предположить, что участники 1 и 2 групп благодаря наличию отца в их жизни имели своего рода образец мужского поведения, что способствовало формированию полноценного гендерного образа и достаточно благоприятной его оценки. Стоит также отметить, что в силу наличия доверительных отношений в родительской семье респондентов 1 и 2 групп, их, вероятно, принимали такими, какие они есть, благодаря чему у них сформировалось позитивное отношение к себе. В отличие от них, респонденты 3 группы не имели образца мужского поведения (даже если он и был в лице отчима, дедушки, дяди, этот образец неблагоприятно оценивался ребенком), им не с кого было брать пример, некому подражать. Имея сложные отношения в родительской семье, неудовлетворительные отношения с обоими родителями, мужчинам сложно было сформировать положительное отношение к себе. Что касается отношения респондентов к своему самостоятельному семейному опыту, участники 1 группы относятся к нему положительно, характеризуя его отзывчивостью, дружелюбием и уверенностью. У участников 2 группы отношение к собственному семейному опыту достоверно менее

благоприятное, чем у участников 1 группы ($U_{\text{эмп}}=0$, $U_{\text{кр.}}=170$, $p<0,01$). Отношение респондентов данной группы к своему самостоятельному семейному опыту можно охарактеризовать как амбивалентное ($K = 18$), тем не менее, ассоциируется этот опыт (у 90% респондентов) с отзывчивостью, дружелюбием, добротой, спокойствием, добросовестностью. Такой результат, вероятно, можно объяснить страхом этих мужчин строить собственные отношения и неуверенностью в них из-за того, что брак их родителей распался, и устоявшейся модели гармоничных семейных отношений у них нет. Участники 3 группы относятся к своему самостоятельному опыту семейных отношений весьма негативно ($K = 25$), в отличие от участников 1 ($U_{\text{эмп}}=0$, $U_{\text{кр.}}=192$, $p<0,01$) и 2 групп ($U_{\text{эмп}}=0$, $U_{\text{кр.}}=223$, $p<0,01$). Возможно это происходит из-за того, что им не на чем основываться, выстраивая собственные отношения, ведь единственная модель, которую они видели, не вызывает у них уважения. В самостоятельном семейном опыте для них большое значение имеет борьба за свои права, настойчивость, упрямство, ревность. При этом, исходя из ответов респондентов, опыт самостоятельных семейных отношений, у большинства из них был неудачным и закончился расставанием.

Сравнительный анализ конативного компонента гендерных представлений показал, что респонденты 1 и 2 групп имеют традиционные представления о распределении ролей в семье, делят сферы семейной жизни на преимущественно мужские (материальное обеспечение, организация развлечений, сексуальная сфера), за которые они несут ответственность, и женские (воспитание детей, эмоциональный климат в семье, организация семейной субкультуры), ответственность за которые несет жена. В отличие от респондентов 1 ($U_{\text{эмп}}=0, U_{\text{кр.}}=192$, $p<0,01$) и 2 групп ($U_{\text{эмп}}=7,5, U_{\text{кр.}}=223$, $p<0,01$) респонденты 3 группы имеют эгалитарные представления и готовы разделить ответственность за все сферы семейной жизни между собой и женой в равной степени. При этом большую часть ответственности участники 3 группы перекалывают на жену в сферах эмоционального климата в семье, организации досуга и сексуальных отношений. Вероятно, это можно объяснить тем, что мужчины 1 и 2 групп (с благоприятным представлением о семье) в построении собственной семьи используют модель родительской семьи, которая воспринимается ими как достаточно гармоничная и благоприятная. В то время как респонденты 3 группы не имели возможности пользоваться моделью поведения отца при выполнении им определенных семейных обязанностей, так как были лишены общения с ним.

Таким образом, проведенное исследование показало, что мужчины, воспитывавшиеся в неполных семьях с неблагоприятным представлением о родительской семье, характеризуются преобладанием фемининных представлений о своей гендерной роли, неудовлетворенностью своим гендерным образом, эгалитарностью представлений о семье.

Такой результат показывает безусловную значимость роли отца в жизни ребенка и тем более мальчика. Отсутствие отца, доверительных и эмоционально близких отношений с ним приводит к деформации как самого гендерного образа мужчины, так к деформации взаимоотношений мужчины с окружающими людьми, что, в конечном итоге, обуславливает пассивность мужчин в семейной жизни, нежелание брать на себя ответственность, ведет к сложностям в построении собственных семейных отношений. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов семейными психологами в консультативной и тренинговой работе по вопросам регуляции семейных отношений, поиска выхода из сложных, конфликтных ситуаций с целью сохранения семьи. Также результаты настоящего исследования могут быть применены в работе с неполными семьями, в консультировании родителей по вопросам воспитания детей в случае отсутствия одного из родителей (в частности отца).

Список литературы

1. Думитрашку Т.А. Влияние внутрисемейных факторов на формирование индивидуальности // Вопросы психологии. – 1991. – №1 – С. 135–142.
2. Зацепин В. И. Брак и семья. Что такое брак. Как и почему он возник?//Хрестоматия «Психология семьи» [под ред. Д. Я. Райгородского]. Самара: Издательский Дом «Бахрах-м», 2002. – С. 20–29.
3. Клецина И. С. Гендерная социализация: Учебное пособие. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 92 с.
4. Малкина-Пых И.Г. Семейная терапия. М.: Эксмо, 2008. – 208 с.
5. Марова З. Ребенка воспитывает одна мать//Воспитание детей в неполной семье. Перевод с чешского [под ред. Ершовой Н. М.] – М.: Прогресс, 1980. – С. 6–68.
6. Сатир В. Психотерапия семьи. «Речь». – СПб., 2006. – 288 с.

Рецензенты:

Кибальченко И.А., д.псх.н., доцент, профессор кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Южного федерального университета, г. Таганрог.

Лызь Н.А., д.п.н., профессор, заведующая кафедрой психологии и безопасности жизнедеятельности Южного федерального университета г. Таганрог.